

из причин любви, которую я питаю к народному языку; как уже говорилось, добродетель есть причина, порождающая любовь.

ХIII.

Сказав о том, что родное наречие обладает теми двумя свойствами, благодаря которым я стал ему другом, а именно близость мне и собственные его достоинства, я скажу о том, как дружба эта укрепилась и увеличилась по причине ее благотворности и общей устремленности, а также от другой привычки.

Прежде всего я утверждаю, что от этой дружбы я получил в дар величайшие благодеяния. Ведь надо помнить, что из всех благодеяний величайшее то, которое наиболее ценно получающему его, и что нет вещи более ценной, чем та, ради которой все остальные желанны; а все остальные желанны ради совершенствования того, кто желает. Человек имеет два совершенства, одно первичное и другое вторичное; первичное дарует ему бытие, вторичное же позволяет ему быть добрым, следовательно, если родная речь была для меня причиной и того и другого, я получил от нее величайшее благодеяние. А то, что он стал для меня причиной бытия, а к тому же и доброго, поскольку это было в моих силах, может быть вкратце показано.

Согласно Философу [говорящему об этом во второй книге «Физиики»], не исключается возможность того, чтобы нечто имело несколько причин, его порождающих, хотя бы одна из них была более действенной, чем остальные; так, огонь и молот суть причины, ведущие к возникновению ножа, хотя главная роль в его появлении принадлежит кузнецу. Тот же народный язык был посредником между моими родителями, которые на нем изъяснялись, подобно тому как огонь подготавливает железо для кузнеца, кующего нож; из чего с очевидностью следует, что родной язык был соучастником моего зачатия и, таким образом, одной из причин моего бытия. Далее, этот мой родной язык вывел меня на путь познания, которое и есть предельное совершенство, поскольку я с помощью этого языка приобщился латыни и смог постичь ее. Латынь же открыла предо мной впоследствии и дальнейшие пути. Таким образом, очевидно и мною самим испытано, что язык стал для меня величайшим благодетелем.

Далее, у меня было с ним общее устремление, и я могу показать это следующим образом. Каждая вещь от природы стремится к самосохранению; и, если бы народный язык был сам по себе способен к чему-либо стремиться, он и стремился бы к самосохранению, каковое заключалось бы в достижении большей [для себя] устойчивости, а большей устойчивости он мог бы достигнуть только связав себя размером и рифмами. А это было и моим устремлением, настолько очевидным, что многих свидетельств и не требует. Таким образом, и у меня и у него было одно и то же устремление; а дружба подкрепляется и умножается этим согласием. Далее, было и взаимное расположение, вытекающее из привычки, ибо я с начала своей жизни пользовался его благосклонностью и общением с ним и применял его в пояснениях, толкованиях и вопросах. Поэтому если дружба умножается привычкой, то очевидно, что ее укреплением я обязан постоянному общению с народным языком. Итак, мы видим, что в этой дружбе участвовали все порождающие и умножающие причины всякой дружбы, из чего можно заключить, что я должен питать к нему и питаю не просто любовь, но любовь совершеннейшую.

Так, обратив свои взоры вспять и собрав воедино все приведенные выше доводы, можно увидеть, что хлеб, с которым надлежит вкушать приводимые ниже канцоны, достаточно очищен от пятен и оправдан в том, что он из овса, а не из пшеницы. Настало время подавать само кушанье. Итак, это будет тот ячменный хлеб, которым насыщаются тысячи; для меня же останутся полные коробы. Он будет новым светом, новым солнцем, которое взойдет там, где зайдет привычное; и оно дарует свет тем, кто пребывает во мраке и во тьме, так как старое солнце им больше не светит.

Трактат второй

Канцона первая